

ВОЗРОЖДЕНИЕ

В СТАРОМ ПАРКЕ

Желтея грустно,
Старый особняк
Стоит в глуши
Запущенного парка —
Как дико здесь!
Нужна покрепче палка,
Чтоб уложить
Крапиву кое-как...

.....
Не отыскать
Заросшие следы,
Ничей приход
Не оживит картины,
Лишь маняет, вспыхнув,
Ягоды малины
Да редких вишен
Крупные плоды.

Здесь барин жил.
И может быть, сейчас,
Как старый лев,
Дряхлая на чужбине,
Об этой сладкой
Вспомнил он малине,
И долго слезы
Катятся из глаз...

Подует ветер!
Сосен темный ряд
Вдруг зашумит,
Застонет, занеможет,
И этот шум
Волнует и тревожит,
И не понять,
О чем они шумят.

Н. РУБЦОВ
1970

Середниково.
Спуск к реке

Кругом родные все места

Т. Александрова

В первый же день каникул, 1 июля 1829 года, Лермонтов отправился с бабушкой в имение Столыпиных — Середниково. Дом здесь у Екатерины Аркадьевны — главный корпус в два этажа с круглой башенкой наверху и четыре флигеля, тоже с башенками. Въездные ворота с затейливыми вереями, каждая в четыре колонны, под общей железной крышей. В середине решетки ворот, наполовину поднимаясь над ней, четко рисуется на зелени деревьев черное кованое солнце: когда ворота открываются, оно разделяется пополам. Дом, флигеля, колонны — все, выстроенное в 70-е годы XVIII века, — не только красиво, но и основательно, прочно.

В 1825 году это имение купил у прежних владельцев брат бабушки Лермонтова Дмитрий Алексеевич Столыпин, генерал-майор, служивший в Южной армии. Но не долго наслаждался он красотой здешней природы — скоропостижно скончался здесь, в Середникове, в

январе 1826 года. В библиотеке Середникова стоят в шкафах тома «Артиллерийского журнала», где закладками отмечены написанные Столыпиным статьи. Вот и книга его — «О фортификационном профиле», на французском языке. Рядом издание на русском языке — эту книгу перевел ученик Московского университета благородного пансиона Петр Юткевич.

Комната Лермонтова находилась во втором этаже одного из флигелей. Через много лет после смерти Лермонтова, когда уже не оставалось места сомнению, что гостивший здесь когда-то мальчик — великий русский поэт, владельцы Середникова указывали на одну из парадных комнат главного корпуса, как на ту, где жил Лермонтов. Но литературовед Т. А. Иванова в своей интересной книге, посвященной Середникову, убедительно доказала, что там находились негостевые и вообще нежилые комнаты. Гости размещались во вторых этажах обоих фли-

гелей. Лермонтов, вероятно, жил в правом... Может быть, именно здесь будущий поэт впервые размышлял всерьез о судьбах России, вспоминая своего деда, боевого генерала, не пережившего тяжелой смуты 25-го года.

Не случайно именно перед этим флигелем в 1900 г. был установлен его бюст работы А. С. Голубкиной. Во всем его облике, созданном скульптором, чувствуется внутреннее беспокойство, что-то от той «тревоги духа», о которой писал в статье о Лермонтове Александр Блок. В выражении лица можно уловить затаенную скорбную мысль. Вся эта особенность образа поэта как нельзя лучше соответствует месту, где расцвела романтическая поэзия Лермонтова.

Юноша поднялся в ротонду. День был солнечный, но ветренный, тревожный. Покачивались огромные лиственницы по сторонам широкой каменной лестницы, спускающейся к пруду. Отовсюду волнами закипала листва парка. За прудом речка, а за ней на холме приютилась со своими амбарами и огородами деревенька. Луг взбегает на холм, пестреющий цветами, змеится тропа по склону. Трудно уйти из этой башенки, с балкончика, окружающего ее. С писком пролетают над крышей ласточки: Так близко от Москвы и такое благоухание, тишина... Место незнакомое, но как будто знакомое: что-то здесь и от Тархан, и от Кропотова.

Это «что-то», почувствованное юным поэтом в усадьбе Средниково, — не только природа и архитектура, не только река или парк. Это «что-то» — образ жизни, такой близкой, такой родной каждой русской душе, ее привычное наполнение, ее особый, ныне исчезнувший порядок и смысл. Именно о том позднейшие его строки:

...И если как-нибудь на миг удастся мне
Забиться, — памятью к недавней старине
Лечу я вольной, вольной птицей;
И вижу я себя ребенком, и кругом
Родные все места: высокий барский дом
И сад с разрушенной теплицей...

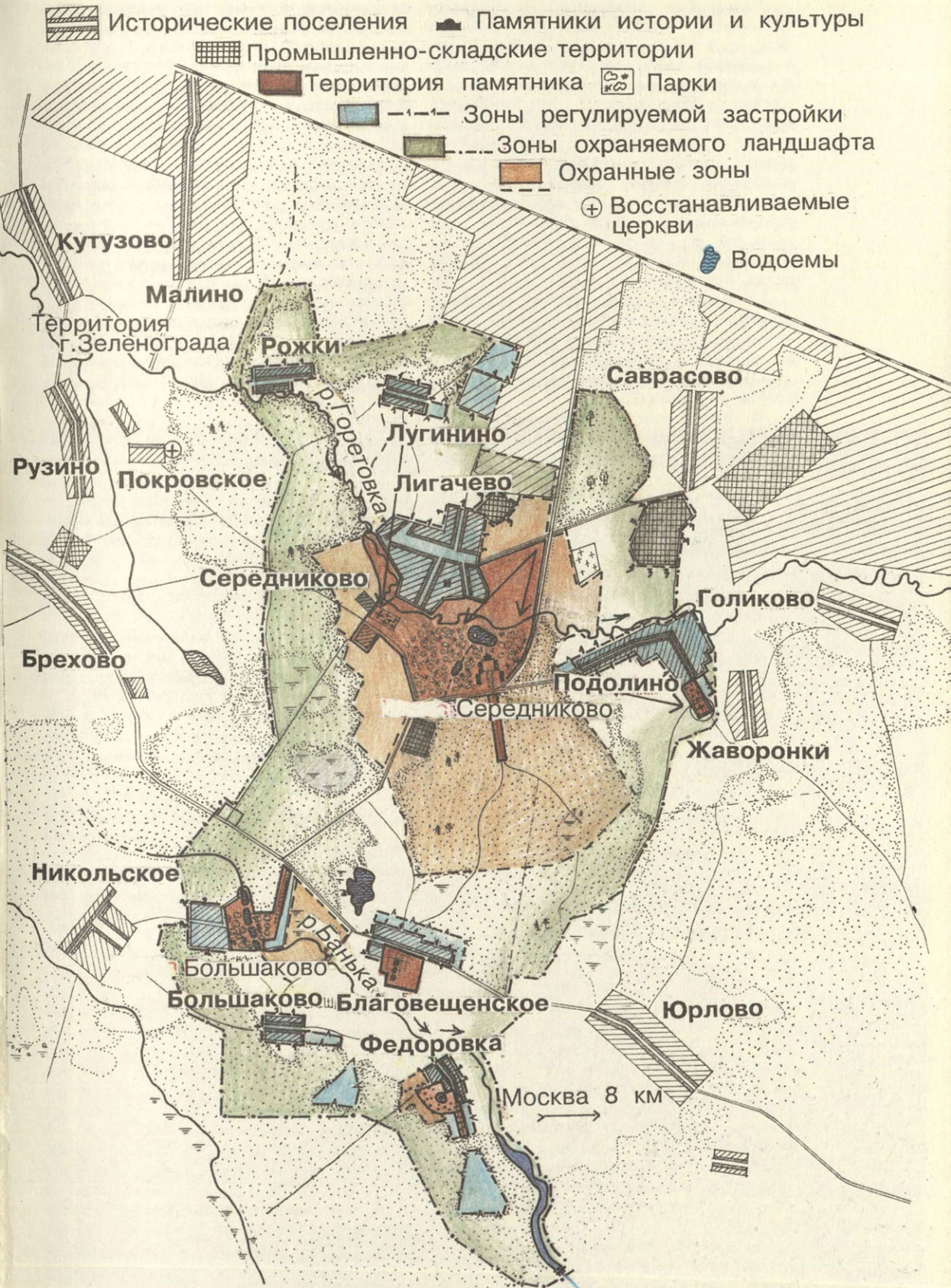
И мы, современники исхода XX века, нынче тоже грустим об удивительном явлении русской жизни — дворянской усадьбе, не перешедшей рубеж столетия. Но как трудно смириться с безвозвратной потерей! И мы стремимся восстановить память, вернуть образ, облик усадьбы, ее жизни, ее владельцев. Примеры тому — Архангельское, Кусково, Останкино, Марфино, Болдино, Тарханы... Это стремление воссоздать память ныне продвинулось дальше, уже не ограничиваясь собственно усадьбой, музеем, мы пытаемся воссоздать именно «дух места» старых дворянских помес-

тий, включая сюда и природную среду, атмосферу чувствований, настроений на фоне сохранившегося ландшафта. Показательный пример тому являет усадьба Средниково. Движение энтузиастов по ее возрождению началось лет десять назад, но только теперь проявились первые результаты. Весной 1992 года зарегистрирован Национальный Лермонтовский центр в Средниково. Знаменательно, что возглавил его дальний потомок лермонтовского рода по мужской линии — по удивительному совпадению тоже Михаил Юрьевич Лермонтов. Среди учредителей — Министерство культуры России, администрация Московской области, Солнечногорский район, Главное управление здравоохранения (в усадьбе размещается санаторий), внешнеторговая фирма «Энергия».

Лермонтовский центр определил своей задачей — реставрировать усадебный дом и флигели, создать в них музей Лермонтова и Петра Аркадьевича Столыпина, чья жизнь также была связана с Средниковым, и также подготовить экспозиции, которые рассказывали бы об истории русской дворянской усадьбы.

Казалось бы, ничего в этой программе нового и нет, вроде еще один музей, похожий на уже созданные в усадьбах. Но дело в том, что инициатива создания Лермонтовского центра легла на подготовленную энтузиастами программу возрождения Средникова, которая рассматривает круг вопросов, связанных с реконструкцией всей окружающей уникальной исторической территории, ее основным ядром — усадьбой и восемью близлежащими селами.

Несмотря на потери и разрушения последних десятилетий, Средниково и сегодня является собой выдающийся образец садово-паркового и усадебного зодчества последней четверти XVIII столетия, времени расцвета русского классицизма, золотого века дворянских усадеб. Сохранившийся ансамбль усадебных строений включает в себя главный дом, четыре флигеля, как уже было сказано, конный и скотный дворы, мосты через овраги, белокаменную лестницу, а также действующую церковь Алексия Митрополита со старинным кладбищем. Уникальная историческая территория Средникова охватывает природно-культурную среду на площади около 2 тысяч гектаров. Это воистину огромный ландшафтно-исторический объект со многими составляющими, и применительно к каждому из его компонентов рассматриваются планируемые исследования и проекты реставрации. Об этом рассказывает автор проекта воссоздания охранной зоны средниковского региона — архитектор Н. И. Завьялова.

Программа опирается на большое количество литературных материалов, фондовых карт и описаний, находящихся в архивном хранении (ЦГАДА, ЦГВИА, ЦГАОР), которые позволяют провести научно обоснованное восстановление природной среды и архитектурных сооружений в соответствии с их обликом начала прошлого столетия. Программа конкретна, широка, обстоятельна.

— Что же все-таки принципиально нового сможет увидеть посетитель, приехавший в Середниково? — спрашиваю Завьялову. — Какой станет усадьба, когда программа осуществится?

— Возрожденный уклад усадебной жизни, — следует ответ. — Конечно, как и другие, вы спросите, что это такое. Как его увидеть — уклад жизни? Как вообще можно возродить то, что было без малого двести лет назад?..

И беседа наша затянулась надолго. Слушая Завьялову, я увидела как бы будущее Середникова. Или его прошлое — как лучше сказать? Все, что мне было известно об этих местах, становилось наглядным. Скажем, недалеко от Середникова в лермонтовские времена жили близкие друзья поэта: в усадьбе Федоровка (Листовка) — «милая кузина» Александра Михайловна Верещагина, а в Большакове — Екатерина Сушкова, «Miss black-eyes», «чернокожая», оставившая след в жизни Лермонтова. Восстановленные усадьбы этих семей, облик природы, вдохновлявшей поэта, — разве не отразят они той, когда-то бывшей здесь жизни. Как в пушкинских местах, окрест Михайловского, — Тригорское с его обитателями, поместье Ганнибалов, Святогорский монастырь. Несомненно, это будет воспоминание, но живое, если в усадьбах затеплится огонек, если оживут хозяйства — скажем даже так: на конном дворе зафыркают лошади, зазеленеют восстановленные оранжереи. А кстати: не будет ли от того и практическая польза — ведь в одних только середниковских оранжереях выращивалось 50 персиковых, 9 абрикосовых, 100 сливовых, 100 вишневых, 90 грушевых, 11 лимонных, 47 померанцевых деревьев да еще цветы самых разных пород и наименований. Было, все это было на подмосковной земле — ведь может же и снова стать! И речка Горетовка, очищенная от сбросов, вновь будет: «...в летнее время шириною в 1,5 сажени, глубиною 2 вершка, в ней рыба: щука, плотва, окуни, пескари, вода к употреблению здорова» — как сказано в старинном описании Московской губернии.

Московской «губернии»... Будет дар и этой самой «губернии», и России, если карта экологии культуры Подмосковья

пополнится еще одним музеем-заповедником, да каким — в честь и память великого поэта Отечества. Но и более того, мы уже слышали из уст Завьяловой, что восстанавливается не просто усадьба — возрождается частица отчей земли. Оно, возрождение, пусть даже исчисляется в деталях и в малом, но разве не с деталей и малостей складывается та многообъемлющая картина, что способна поразить воображение масштабностью, широтой охвата явлений. Вот, скажем, беседы со старожилками, людьми старшего поколения на предмет воссоздания местной топонимики. Ведь каждый лес, луг, пашня, пруд, овраг, то есть все разновидности ландшафта имели свои названия: «Лужочек», «Банный овраг», «Попово поле», «Масляцкая гора», лес «Беседка», «Огородники» и др. Вслушайтесь в поэзию, музыку этих незамысловатых названий. Нынче уже такие не придумываются, как не придумываются новые былины и новые крестьянские песни. А ведь с таких милых, ласковых имен и начинается чувство родной земли — чувство, с которым прошли по ней поколения и поколения, бывшие до нас, и которое Леонид Леонов назвал материнской ладонкой, которую человек берет с собой в жизненный путь. И просто ли эти воскрешенные названия — памятники старины? Или они вновь станут живым прикосновением к родной земле, к временам, над ней прошедшим? И в конечном счете, за этой далью времен мы вновь и вновь видим юношу-поэта, обитавшего в этих местах, вбравшего в ищущую свою душу материнскую ласку России.

Один только штрих, одна только краска на палитре, а сколь возможно их умножить, сыскать и другие, очистить, обогатить, придать им сегодняшний смысл. Причем поиски в направлениях «поэтических» вполне могут соседствовать, быть увязанными с проявлением забот практических, хозяйственных, меркантильных, хотя, вдуматься, и заботы меркантильные могут приобрести поэтическое обличье. С давних времен в здешних местах развивалось искусство краснодеревщиков. От отца к сыну переходило знание материала и владение инструментом. Еще прежним владельцем Середникова, «действительным статским советником и камергером» В. А. Всеволожским, была привезена сюда семья крепостных крестьян Зениных, которые положили начало производству мебели. Был приглашен мастер из Москвы Егор Сидоров, который, поселясь у Зениных, стал набирать учеников и учил высокого класса художественной работе. Что ж, отметим и эти имена — крестьян, мастеровых, основоположников династий, украсивших этот край. Приведем строки

Окрестности
Середниково.
Пруд в усадьбе
Верещагиных

из книги знатока крестьянской жизни Н. Прыжова «Были русского народа. Из деревни» (М.; Л., 1934), где как раз и встречаем сведения о краснодеревщиках соседней с Середниковым деревни Лигачево: «...На мебель, выходящую из мастерской Зенина под руководством Егора Сидорова, явился большой спрос, потребовались новые мастера, новые ученики, новые мастерские, население увеличивалось пришлым людом, деревня росла... С течением времени все жители не только прихода, но и соседних селений обратились в кустарей-столяров-мебельщиков, так что в настоящее время в каждом доме пилят, строгают, клеют мебель... Мебельное производство в некоторых мастерских было поставлено настолько высоко, что ими получают заказы из лучших магазинов

Москвы — русских фирм и равно иностранных».

По сведениям того же Прыжова, губернская управа учредила в Лигачево школу рисования, ориентированную на обучение навыкам прикладного искусства, которая перешла затем в ведение Строгановского училища, из коего назначались и преподаватели. Как видим, отцы губернии понимали, что могла дать школа художественного ремесла на селе, в местах самого распространения этого ремесла. Вот так и сохранялась сельская, крестьянская культура. Что ж, дай Бог, если в наше время возрождение старого промысла пойдет успешно, если предприимчивые люди сумеют заново дать ход таланту деревенского столяра.

И мы не случайно повели о том разговор. Во многих местах Подмосковья, как

и в иных местах России, культура дворянской усадьбы соединяется с культурой села, проявлением дарований народных. Рядом с усадьбой, несомненно, в чем-то с ней соприкасаясь и в то же время не сливаясь воедино, в крестьянской среде культивировался свой талант художника-умельца, свое понимание пользы и красоты, свое выражение национального лица. Вот почему, думается, в осуществлении программы усадьбы-заповедника с подчеркнутым вниманием могут быть выделены свидетельства историзма крестьянской жизни в этих местах, того же промысла мастеров-краснодеревщиков. Картина русской жизни в ее прошлом неделима и, будем полагать, Лермонтовский центр воспримет в себя многие возрожденные ее грани.

Менее всего это должен быть музей. Земля пустой не бывает. В людях новых, в формах новых продолжится самый род здешней земли, если то новое, что будет сюда принесено, ответит ее старым устоям. Скажем, местный уроженец Владимир Гривев берет в аренду полтора гектара пахотных угодий, примыкающих к охранной зоне, налаживает хозяйство — и как понимает, ценит не только плодородящую способность земли, а и ее красоту! Скажем полнее — ее смысл. Хозяйственные постройки поставил в низине, у леса, чтобы не бросались в глаза, обсадил кулибами из деревьев. Прошлое должно жить в этом историческом уголке Подмосковья и он, новый пришедший сюда хозяин, оберегает этой земли целомудрие и честь. Мечтает — восстановить утраченную деревянную

церковь Смоленской Богоматери, стоящую напротив его деревни Жаворонки на вершине пологого холма. А была та маленькая церковка на холме ориентиром для окружающих ее открытых пространств и ведущих к ней со всех сторон дорог.

Живое сберегается в живом — можем мы сказать и об облике сохранившихся здесь исторических поселений. Все они удерживают традиционный характер планировки, тип сельского жилого дома. Это — одноэтажный сруб с четырехскатной кровлей и выходящим на уличный фасад слуховым окном, декорированным колонками и перильцами с балясинами. Эти дома датируются 20—30 гг. нашего столетия, встречаются и дореволюционные постройки. В Лигачеве два дома относятся к середине прошлого века. Очень важно сохранить традиционный облик русских деревень. Ведь испортить его ничего не стоит — вроде бы стилизацией под русскую избу. Постройку русского мужика стилизовать нельзя — получится коттедж в манере «ропет». Типовые проекты подобных коттеджей выпускаются во множестве — дома эти не европейские и не наши и только засоряют русскую сельскую архитектуру. Конечно, жизнь не остановишь, но в таких заповедных местах, как Середниковский регион, сельский дом строить надо только таким, каким он был, — воссоздавать по образам срубов, использовать традиционные материалы, традиционный крестьянский декор. Снова скажем: земля пустой не бывает, если жив на ней завет прошлого, ну а уж коли нет — безродной становится земля.

Середниково.
Общий вид
усадьбы

Середниково тем и привлекательно, что напластования времен в нем органичны и последовательны. С 1869 года усадьбой владеет семья Фирсановых. Одна из последних владелиц — Вера Ивановна Фирсанова, известная покровительница искусств, в гостях у нее бывал Ф. И. Шаляпин, певший в середниковской церкви. Вера Ивановна бережно относилась к памяти Лермонтова. В усадебном парке в 1914 году ею был установлен обелиск в честь столетия со дня рождения поэта, а в овальном зале второго этажа главного дома по ее заказу художник В. К. Штемберг выполнил роспись на тему «Демона». Она же строит в Лигачеве земскую школу имени Лермонтова. А ранее, в 1900 году, скульптор А. С. Голубкина создает бронзовый бюст поэта — впоследствии он устанавливается на постаменте перед входом в дом... Еще в молодые свои годы в деревню Лигачево приезжает на этюды художник К. Ф. Юон. Женившись на местной крестьянской девушке — красавице Клавдии Никитиной, он связывает жизнь с Лигачевом, покупает землю, строит дом, где и по сей день проживает его внук с семьей — Олег Игоревич Юон. Многие живописные произведения Константина Федоровича Юона именно и навеяны здешней природой. Помните его «Открытое окно» — вид из окна мастерской на усадебный парк, краски летнего дня — это написано здесь, в Лигачеве. А подле середниковской церкви жил на даче известный архитектор-конструктивист И. И. Леонидов; после всех своих стремительных, дерзких трудов, обрел он покой на здешнем деревенском погосте...

Пласты времени, преемственность дел и имен... Обустройство, развитие середниковского региона может стать школой опыта, полезного и поучительного для возрождения усадебной России. Тем более что и в других местах создаются программы воскрешения старинных дворянских поместий. Так, в Калужской области, где в прежнее время насчитывалось свыше тысячи помещичьих усадеб, бывших культурными центрами помещичьего дворянства, необходимость в такого рода программном возрождении старины назрела и встает вопрос об освоении этого богатства.

Как ни удивительно, но в наше разрушительное, нестабильное время интерес к усадьбе, к ее историко-культурному наследию значительно возрос. Или это и есть естественная реакция русской интеллигенции защитить, отстоять ценности своего Отечества? Нынешний год в этом смысле стал знаменательным: воссоздано Общество изучения русской усадьбы — ОИРУ. Под таким названием оно функционировало в 20-х годах, объединяло вокруг своей идеи прекрасные имена и много сделало к тому, чтобы вернуть истории России духовное достояние дворянской усадьбы. Стараниями большой группы общественников, возглавляемой доктором исторических наук Людмилой Васильевной Ивановой, традиция восстановлена. Как и в 1922 году, образование ОИРУ встречено с надеждой и ожиданием: русская историко-художественная наука получит еще одно направление — усадебоведение, и это принесет свои плоды в деле практического возрождения усадебной культуры.

